

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1::330.88

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Е.А. Германович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт–Петербург

Рассматриваются методологические подходы к формированию институциональной парадигмы, которые дают возможность анализировать современные процессы экономической трансформации. Анализируются возможности использования методологического потенциала неинституциональной и новой институциональной теории в процессе экономической трансформации. Приведенное автором в рамках данного подхода определение институционализации дает возможность объяснения взаимосвязей между системообразующими понятиями в процессе научного исследования экономического развития.

Ключевые слова: *институционализм, методология, экономические отношения.*

Институционализация экономического развития по своему содержанию представляет собой создание институциональных ограничений для действий экономических субъектов, что требует значительного внимания их характеристикам, в том числе возможному поведению в тех или иных ситуациях выбора институциональных альтернатив. Институциональные ограничения заставляют субъектов занять ту или иную позицию в зависимости от собственных интересов, эффективности сдерживающих мер государства, желания признавать или не признавать существующие институциональные конвенции. Именно поэтому институционализация экономического развития требует такой модели, которая бы учитывала необходимость максимально возможного удовлетворения интересов экономических субъектов. Подобная модель может быть построена лишь на основе институциональной координации для предотвращения размывания существующей институциональной структуры в результате определенных действий экономических субъектов.

В теории институционализма выделяют несколько методологических подходов к анализу рыночных институтов. Подход, который получил название «методологического индивидуализма», предполагает выяснение содержания институтов через интересы и поведение индивидов, которые используют институты для координации своего взаимодействия. Анализ интересов и стратегии поведения важных действующих лиц, тех кто принимает решения, обеспечивает метод «действующих лиц», который имеет микроаналитический и описательный характер и показывает как формируются и принимаются решения, исходя из собственных интересов действующих лиц. Опираясь на этот подход, была сформулирована концепция «спонтанной эволюции институтов», которая исходит из предположения, что институты возникли как следствие спонтанной деятельности людей. В теории «спонтанной эволюции»

институты рассматриваются как главный фактор спонтанного развития, в котором «старый» институционализм, напротив, видит важный стабилизационный фактор. В поддержку этого тезиса можно привести мнение Т. Веблена, который считал, что «институты – это результат процессов, происходящих в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и поэтому являются фактором социальной инерции, психологической инерции и тому подобного» [1, с. 202–203]. Как видим, именно в неoinституциональной теории «спонтанной эволюции институтов» четко проявляется неоклассическая традиция рассматривать конкуренцию как основной фактор развития.

Другим институциональным подходом к анализу институтов – это «холизм», в рамках которого разработана «теория институционального детерминизма». В ней исходной точкой являются не индивидуумы, а институты. Сами же институты объясняются через те функции, которые они выполняют в воспроизводстве экономических отношений на макроуровне [2, с. 27–28]. Дискуссия между двумя указанными подходами возникла в рамках интеллектуальной традиции, заложенной неоклассиками, в которой индивидуальные предпочтения или цели принимаются как заданные.

Указанная традиция связана с индивидуализмом как важным методологическим принципом неoinституционалистов. Методологический индивидуализм предполагает определенные вариации. Например, логическим завершением неоклассической теории, продолжением которой и является современный неoinституционализм, стала модель общего экономического равновесия, в основе построения которой лежит метод индивидуализма и принцип децентрализации принятия хозяйственных решений. Модель отражает взаимосвязи между отдельными рынками, а неделимыми единицами, которые принимают решение в соответствии с системой предпочтений и производственных функций, являются домохозяйства и фирмы. Таким образом, согласно логике ортодоксальных неоклассиков, на рынках взаимодействуют не люди, а домохозяйства и фирмы. Очевидно, что институциональная координация деятельности домохозяйств и фирм отличается от координации деятельности людей.

Методологический индивидуализм, который последовательно использует и развивает неoinституциональная теория, предопределяет ограниченность инструментария исследования институционализации экономических отношений. Понятно, что неoinституциональная теория попала в ловушку классической парадигмы, которая предоставила методы исследования, обеспечившие анализ преимущественно простых систем.

Новая институциональная экономическая теория не отвергает, а также последовательно использует принцип методологического индивидуализма и унификацию экономического подхода. Однако, она предусматривает значительные послабления жестких предпосылок неоклассической и неoinституциональной теории относительно поведения человека. Наиболее важным признаком методологии новой институциональной теории является утверждение, что в хозяйственной системе все решения принимают не домохозяйства, не фирмы, а исключительно люди [3, с. 6]. Такая версия методологического индивидуализма в рамках новой институциональной теории позволяет рассматривать поведение фирм в терминах максимизации полезности менеджеров, реально контролирующих ту или иную фирму, а так же рассматривать государство в терминах максимизации полезности чиновников, политиков или групп с однородными экономическими

интересами. Как видим, в новой институциональной теории созданная неоклассиками дихотомия «полезность-прибыль» не имеет смысла, что в определенной степени разрушает экономоцентричную модель экономического развития.

Существует мнение о том, что традиционный институционализм так и не смог предложить позитивной исследовательской программы, хотя поиск ее продолжается и сегодня. В отличие от него, как считает А. Шаститко, в новой институциональной экономической теории создана собственная исследовательская программа, которая способна дать ответ на вопрос о влиянии системы правил и соответствующих способов их обеспечения и форм экономической организации на поведение экономических субъектов. Более того, значительная часть ответов на этот вопрос прошла процедуру проверки, а инструментарий этой теории можно применить к исследованиям в таких предметных областях как социология, политология, право [4, с. 46].

В исследовании институтов новая институциональная теория акцентирует внимание на аспектах, связанных с эффективностью размещения ресурсов и экономическим развитием, анализируя процесс институционализации на основе модели ограниченного рационального выбора, что объясняет возможность создания и использования условий взаимовыгодного обмена. В ней все институты рассматриваются сквозь призму их влияния на решения экономических субъектов. Институты как набор правил и норм не определяют полностью поведение человека, а лишь ограничивают набор альтернатив, из которых индивид может выбирать любую в соответствии с собственной целевой функцией.

В отличие от неоклассиков и неинституционалистов новые институционалисты сравнивают альтернативы не с идеальным положением вещей, критерием которого является совершенная конкуренция, а с другими институциональными условиями. Это сравнение происходит на основе транзакционных издержек и предостерегает от недооценки важных аспектов организации процессов обмена на микроуровне, что ухудшают макроэкономические условия и снижают эффективность экономической политики. Исследование дискретных институциональных альтернатив позволяет в явной форме обозначить теоретические и практические проблемы институционализации в процессе экономического развития.

Очевидно, что институты имеют сбалансированные свойства, являются относительно стабильными, хотя равновесие может быть и нарушено. Это равновесие восстанавливается и укрепляется, когда преимущества и цели существования институтов отображаются в результатах их функционирования. Что касается норм и правил, то это просто «окружающая среда», в которой (рациональный) агент должен принимать решения и соответственно действовать.

Подробный анализ природы институциональных правил приводится в работах современных новых институционалистов [6, с. 3–25; 5, с. 582–600]. В правила они включают нормы поведения, общественные договоры и правовые нормы, явными или неявными знаниями, о которых обладают участники определенного сообщества. Однако, для обеспечения процесса институционализации наиболее важным является то, что подобные правила потенциально можно тем или иным образом кодифицировать, а поэтому любые нарушения правил могут быть определены в явном виде, что помогает выявить ту общность, которая понимает и принимает их. Кроме того, институциональные правила отражаются в поведении индивида. Условное поведение, которое повторяется согласно определенным нормам, получает

нормативный смысл и превращается в преимущество для индивида, способствует стабилизации институционального равновесия, если люди принимают обычай, как нечто оправданное и морально добродетельное.

Формализация институциональных правил и достижение институционального равновесия смягчаются тем фактом, что каждый институт зависит от других институтов – за одним возможным исключением – языка. Как отметил Дж. Серл, язык является основным социальным инструментом в том смысле, что все другие институты предполагают язык, а сам язык не предполагает для своего существования других институтов [7, с. 60]. Язык является основой институционализации потому, что любой институт связан с социальным взаимодействием и определенного рода интерпретацией, в том числе вербальной интерпретацией, в соответствии с правилами интерпретации. Поэтому А. Ткач вполне справедливо отмечает, что наиболее важным аспектом институционализации является процессуальность, которая имеет вербальный или письменный характер [3, с. 127].

Все это дает основания рассматривать институционализацию не как преобразование социальных намерений в норму и внедрение ее в жизнь на основе средств правового, экономического, политического регулирования, а как процесс оформления намерений в конкретные правовые акты, за исполнение которых отвечают органы власти и управления. В то же время институционализация на основе неформальных правил и норм происходит посредством вербальной интерпретации и позволяет легко кодифицировать нормы поведения, заключать общественные договоры и координировать их. И неоинституциональная, и новая институциональная теории признают важность институционализации в процессе экономических изменений. Однако, они отдают предпочтение разным способам ее осуществления, согласно идеологическим представлениям, а поэтому институциональное равновесие должно обеспечиваться всем имеющимся инструментарием институциональной теории.

Как видим, институционализацию экономических отношений следует рассматривать не только как процесс количественных и экстенсивных изменений, но и качественных изменений, прежде всего, институционального характера. Институциональная теория поставила вопрос о рассмотрении экономического субъекта как олицетворения определенных универсальных ценностей, на основе которых формируются различные стратегии и модели институционализации. Приведенное определение институционализации как категории дает возможность объяснить взаимосвязи между системообразующими понятиями в процессе научного исследования экономического развития в его широком понимании, а также привлекать к анализу знания смежных наук.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1999. 680 с.
2. Олейник А.И. Институциональная экономика. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2000. 416 с.
3. Ткач А.А. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория: Учебное пособие. М.: Центр учебной литературы, 2007. 302 с.
4. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.

5. Crawford S.E.S., Ostrom E.A. Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89, № 3. P. 582–600.
6. Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice. 1986. Vol. 48. P. 3–25.
7. Searle J. Language and Social Reality // The Construction of Social Reality. L.: Allen Lane, 1995. P. 59–78.

METHODOLOGICAL QUESTIONS OF ECONOMIC RELATIONSHIP INSTITUTIONALISATION

E.A. Germanovich

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg

The article investigates institutional paradigm and particular methodological approaches that make it possible to analyze the modern processes of economy transformation. The author analyses specific features and methodological perspectives of a new institutional and non-institutional paradigm based on the new institutional economic theory (NIET). Employing this approach, the author suggests a definition of the institutionalization enabling to search for new forms of explanation of relationships between backbone components and system-forming categories.

Keywords: *institutional economics, methodology, economic relationships.*

Об авторах:

германович Егор Андреевич – аспирант кафедры «Экономической теории и экономической политики», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: e.germanovich@gmail.com

About the authors:

GERMANOWITsch Egor Andreewitsch – graduate student Economic theory and economic policy department, Saint-Petersburg State University of Economic, e-mail: e.germanovich@gmail.com

References

1. Weblen T. Teorija prasnogo klacca. M.: Progrecc, 1999. 680 c.
2. Olejnik A.I. Inctituzional'naja jekonomika. Utschebnoe pocobie. M.: Invra-M, 2000. 416 c.
3. Tkatsch A.A. Inctituzional'naja jekonomika. Nowaja inctituzional'naja jekonomitscheckaja teorija: Utschebnoe pocobie. M.: Zentr utschebnoj literatury, 2007. 302 c.
4. Schactitko A.E. Nowaja inctituzional'naja jekonomitscheckaja teorija. – 3-e isd., pererab. i dop. M.: Jekonomitscheckij vakul'tet MGU, TEIC, 2002. 591 c.
5. Crawford S.E.S., Ostrom E.A. Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. № 3. P. 582 – 600.
6. Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice. 1986. Vol. 48. P. 3–25. Searle J. Language and Social Reality // The Construction of Social Reality. L.: Allen Lane, 1995. R. 59–78.